

Мария Гудыма ЖЕНСКИЕ ШТУЧКИ ТАТЬЯНЫ ГОНЧАРЕНКО

Безусловно, Таня является одной из красивейших, наиболее женственных и узнаваемых художниц нашего города. Ее внешние данные и внутренний мир находят в удивительной гармонии, которую она воссоздает на полотне, реже — на листе бумаги. Говоря об истоках образного мира того или иного художника-мужчины, исследователи обычно "ищут женщину". В нашем случае, конечно, все иначе. К поискам живописных предметов—"кайфиков" Татьяну Гончаренко приобщил ее дядя, Борис Нудьга. Старинные ноты, исписанные бисерным почерком открытки, фарфоровые фигурки, посуда, цветы — все обретает на Таниных картинах вторую жизнь, и даже нечто большее. Каждый объект здесь больше чем предмет, хотя бы потому, что является принадлежностью невидимой нам лирической героини картины, выразителем ее духовного мира, философии, требующей красивого оформления быта.

Татьяна восхитительно несомодерна. Впрочем, некоторая старомодность теперь признана в Европе высшим шиком. Но попробуй быть шикарной и пополнять свою коллекцию "кайфиков" на Староконке, когда ты не можешь вписаться в нынешний арт-рынок, условия которого требуют "к такому-то числу написать двадцать картин определенной тематики".

— Нескромно так о себе говорить, но меня даже подделать трудно, — улыбается Татьяна. — Лестно, когда тебя копируют и тиражируют, только все знают, что писать в моем ключе очень тяжело, невыгодно. Лучше за это же время закрасить десяток холстов в иной манере, чем тратить зрение и дрожать над каждым бликом на жемчужинке, над каждым рефлексом на раковине. Никто, кроме меня, не будет так себя мучить! И потому — безошибочно узнаваема. Один мой учитель, Геночка Гармидер, как-то спросил меня: "Таня, вы не хотите похулиганить на холсте?". Да нет, хулиганов в живописи и без меня достаточно. Всех удивляет моя зажатость в рамках рисунка, академической манеры, в глубине души мне хочется большей смелости, легкости, не бояться испортить работу. Возможно, это еще придет.

Одно из неизбежных требований современных арт-дилеров связано с необходимостью повторять некоторые работы. Для Тани такое неприемлемо, она понимает, что во второй раз получится плохо. Нет, халтура ей не свойственна, однако той Живописи с большой буквы уже не случится, появится определенная сухость, схематичность, а раз писать неинтересно будет Татьяне, смотреть будет неинтересно никому.

Одному из одесских художников, также не пожелавшему повторить свою работу, несостоявшаяся покупательница пригрозила: "Дам фотографию картины какому-нибудь студенту "Грековки", он мне напишет такую же, и дешевле!". Но в случае Татьяны такое невозможно, студент откажется...

Пройдя путь увлечения букетами, фарфором, открытками, попугаями, Таня создала серию живописи и графики с разорванной ниткой жемчуга и морскими раковинами. Матюшка Вера Павловна Кулигина, напутствовала ее: "Не бывает двух одинаковых жемчужин в одной нитке, если, конечно, жемчуг натуральный. Все жемчужины разного цвета и разной формы". Вот Таня и кладет крошечные перламутровые мазки, выписывает каждую бусину, которая на ее картине просто светится. А еще ведь надо передать структуру кружева, хрупкую яркость китайского зонтика, фактуру бархатного бантика (когда-то он украшал декольте бабушкиного платья эпохи нэпа), атласной ленты, которая, кажется, вот-вот соскользнет с туалетного столика... Ощущение так называемой "русской обманки", которая сама по себе способна при-

вести зрителя в восторг, — далеко не все, к чему стремится художница.

— Раковина, фаянс, фарфор несут довольно большой груз времени и очаровывают своей весомой красотой, — подчеркивает Таня. — Мне бывает очень трудно передать их тяжесть, неисчерпаемую привлекательность. До сих пор кто-то хочет иметь такие вещи в доме в виде предмета или же в виде живописи. Если удастся написать их так, как задумывалось, — я счастлива. Но всегда стремлюсь чему-то незбылемому, прочному противопоставить легкость рассыпанных перьев или лепестков, чье существование сиюминутно и недолговечно, как жизнь в целом. На первый взгляд, на картине изображен набор красивеньких вещей, только тут еще и настроение, может быть, немножко минорное, в этом тоже есть красота, располагающая к покою, раздумью, но раздумью жизнеутверждающему.

С перьями как предметами живописи Татьяна испытывает трудности. Ее мечта написать старинный перьевой веер пока не осуществилась из-за того, что подобные вещи не дошли до наших дней, их давно уничтожила безжалостная моль. Наша героиня зарисовывает отдельные подаренные друзьями перья, перламутровый остов ручки веера, запечатленный на фотографии. Когда-нибудь ей удастся написать веер целиком, скорее всего, он будет насыщенного малинового или сиреневого цвета, со множеством градаций и переливов. Такие цвета особенно любимы Татьяной. А задуманная ею серия "Особняк" предполагает написание и вееров, и фаянса, и гобеленов, и самого старинного здания с прилегающими террасами, аллеями сада, парковыми скульптурами. Тут помогают воображение и открытки столетней давности.

И все-таки чаще Таня Гончаренко пишет предметы с натуры, находясь в плену светового дня и не признавая во время работы электрического освещения. Многие ее приятельницы, приобретая в дом какую-нибудь занятую вещь, сперва одалживают ее Татьяне, чтобы написала. Так к ней попала купленная на Староконном рынке терракотовая емкость для кофе с изображением увядающих маков. Рядом с посудиною был положен тряпичный мак, рассыпаны кофейные зерна — получился прелестный натюрморт, занявший достойное место в одной из одесских кофеен. В пару к нему потом был создан и другой, с красной антикварной чайницей, украшенной все теми же излюбленными художниками эпохи модерна маками. Возле таких работ вдвойне приятно испить кофейку или чаю — время останавливается...

Один далекий от сантиментов господин, поместивший у себя дома Танину картину, признался, что каждый вечер рассматривает ее, получая полное успокоение или, по его собственному определению, релаксацию. О психотерапевтическом значении своего творчества художница до сих пор не задумывалась, но очень обрадовалась, что ее картины воспринимаются не только в качестве интерьерного

пятна. Для нее самой прекрасной разрядкой служит посещение художественных выставок, особенно порадовала экспозиция Николая Шелюто, которую Татьяна посмотрела не однажды, упиваясь легкостью мазка, пытаюсь для себя определить, из чего соткана та или иная картина, натуральный этюд. Искренне радуется она и удачным работам художников-сверстников. А они, в отличие от Татьяны, более склонны фантазировать, нежели очаровываться предметами, которые, по их мнению, делают картины художницы слишком литературными. Мне же Танины фантазии кажутся наиболее безудержными, ведь нет и уже никогда не будет столь красивого быта, красивых чувств, открыток, исписанных столь изысканным почерком, не говоря уже о благородном содержании. Хочется, пусть даже повторяясь, говорить о Татьяне Гончаренко как о необычайно женственной художнице, пытаюсь передать ее очевидную трепетность и неоспоримую оригинальность в словах, но для этого нужно быть поэтом, друзья мои... А посему взгляните на ее картины, задержитесь у них, используйте удивительную возможность стать хоть чуть-чуть здоровее душой.

Фото Олега Владимирского

Виктор НЕЧАЕВ

Мой пес Джим

У меня красивый пес
Мокрый и холодный нос.
Он то бегаёт, то лает,
То под окнами скулит
Его вся округа знает
И погладит норовит.
Он глазами лишь смеется,
Суетится, мельтешит,
На подачки не ведётся
И кусаться не спешит.
Любит он кефир и сушку,
Ест бананы и творог.
Любит он свои игрушки,
Их положит на порог
Сам у двери ляжет рядом,
Занавесится хвостом,
Любит, чтобы был порядок,
Стережет хозяйский дом.

Соседский кот

К нам во двор который год
Забредаёт рыжий кот.
Ходит строго по маршруту,
А не просто как-нибудь,
Неизменным атрибутом
Свой он отмечает путь.

Метит стены и ворота,
И пеньки себе под стает.
Одеваться неохота,
Чтоб пойти его прогнать.
Если б Джим повелся круто
И на тот момент не спал,
Он kota бы с атрибутом
На кусочки разобрал.

Воробей

Разогнался воробей,
Чтобы клюнуть поскорей,
Червячка, что зазевался
В неспешности своей.
Как ракета он промчался,
Чуть за ухо не задел,
Но на зуб коту попался,
Свой у каждого удел.

Март

Март заискрился лучами слепящими.
Крыши, как будто очнувшись от сна,
Затарахтели капелью звенящею
Мир возвестив, что приходит весна.
Море вздохнуло волною мятежною,
Радугу в брызгах своих затая,
Пеной окутавши камни прибрежные,
Вновь расцвело, как улыбка твоя.
Птицы запели шальными мотивами.

Женщины, сбросив излишки тряпья,
Все до единой вдруг стали красивыми,
Воздух дурманя, как запах живья.

Ультрашикарные и современные,
Взглядом буравя и жестом маня,
Мягкие, чуткие, очень надменные
Ранней весной наполняют меня.

Милые женщины, добрые, нежные,
Верность свою сохраняя сполна,
Будте ж хранимы любовью безбрежною
Ваших любимых во все времена.

Стамбул

Бреду по улочкам Стамбула,
Тесным пестрою толпой,
Уставший от людского гула,
Что мельтешит передо мной.

Здесь шумно все и интересно,
И водку тут никто не пьет,
Паромам шустрым в бухте тесно,
Здесь все движением живет.

Движение красочных тюрбанов
В мечетей вычурных дворах,
И грозный тюрк с ятаганом
Здесь на зевак наводит страх.

Здесь набережным нет предела,
А с высоты крутых мостов
Я на Босфор гляжу несмело,
Не находя достойных слов.

Здесь вдоль причалов и где-либо,
В тенистых парках и садах
Царит духман горелой рыбы
И дым каштанов на углях.

Здесь шаурма и чебуреки,
Здесь для обжоры суший рай.
Вам турки продают и греки
И носят ароматный чай.

Мальчишка в латаной тунике
Тележку катит и поет,
И холм слежавшейся клубники
Вам за бесценок отдаёт.

С моста в залив плюется метко,
Что Золотой зовется рог,
Верхом на шаткой табуретке
Весь черный, чистильщик сапог.

А в мегафоны с минарета
С курчавой бородой мулла,
Чтоб было слышно всему свету,
Кричит призывно "ву-алла!".

Тут изумрудные фонтаны
Хранят прохладу вечеров,
И призрак гордой Роксоланы
Здесь где-то бродит меж холмов.